

Научная статья

УДК 159.9.072.43

EDN WTEQES

DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1372-1380

И.М. Кыштымова^{1, 2} , Ю.П. Зубарева² ¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская ФедерацияАвтор, ответственный за переписку: Ю.П. Зубарева, zubarevaiuliana@yandex.ru

ОБРАЗЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. В статье описаны результаты исследования представлений молодежи о жизни и смерти. Актуальность исследования определена системообразующей ролью этих представлений в организации жизнедеятельности человека и их неизбежной динамикой в условиях социальной турбулентности. Проверилась гипотеза о том, что образы жизни и смерти в сознании современной молодежи не наделены экзистенциальным, духовным статусом, а характеризуются как материальные, биологические феномены. В исследовании приняли участие 76 студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях Байкальского университета. В качестве метода исследования применялся специализированный семантический дифференциал, содержание тридцати девяти шкал которого определено в процессе ассоциативного эксперимента. Выявлено, что категоризация «жизни» и «смерти», а также образа себя осуществляется студентами по критериям «эмоциональной оценки», «простоты», «осмысленности», «динамичности», «хаотичности», «индивидуальности» и «материальности». Показано, что образ жизни характеризуется позитивной эмоциональной оценкой и динамичностью, при этом сложностью и бессмысленностью; образ смерти наделен студентами семантикой безрадостности, статичности и бессмысленности, в этом контексте низкие значения «материальности» маркируют не «духовность» смерти, а ее биологическую детерминацию. Анализ семантики образа «я» у студентов показал ее нелинейную связь с семантиками «жизни» и «смерти» и стал основанием суждения об экзистенциальном кризисе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Жизнь, смерть, образ я, семантическая оценка, семантическое пространство, семантический дифференциал, экзистенциальный кризис.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 20 апреля 2024 г.; дата принятия к печати 26 августа 2024 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2024 г.

Original article

И.М. Kyshtymova^{1, 2} , Yu.P. Zubareva² ¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation² Baikal State University, Irkutsk, Russian FederationCorresponding author: Yu.P. Zubareva, zubarevaiuliana@yandex.ru

IMAGES OF LIFE AND DEATH IN THE CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE: PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS

ABSTRACT. The article describes the results of a study of young people's ideas about life and death. The relevance of the study is determined by the system-forming role of these ideas in the organization of human life and their inevitable dynamics in conditions of social turbulence. The hypothesis was tested that the images of life and death in the minds of modern youth are not endowed with an existential, spiritual status, but are characterized as material, biological phenomena. The study involved 76 students studying in the humanities at Baikal State University. A specialized semantic differential was used as a research method, the content of thirty-nine scales

© Кыштымова И.М., Зубарева Ю.П., 2024

of which was determined in the process of an associative experiment. It is revealed that the categorization of “life” and “death”, as well as self-image, is carried out by students according to the criteria of “emotional assessment”, “simplicity”, “meaningfulness”, “dynamism”, “randomness”, “individuality” and “materiality”. It is shown that the lifestyle is characterized by a positive emotional assessment, dynamism, while complexity and meaninglessness; The image of death is endowed by students with the semantics of joylessness, static and meaninglessness, in this context, the low values of “materiality” mark not the “spirituality” of death, but its biological determination. The analysis of the semantics of the image of the “I” in students showed its nonlinear relationship with the semantics of “life” and “death” and became the basis for the judgment of an existential crisis.

KEYWORDS. Life, death, self-image, semantic assessment, semantic space, semantic differential, existential crisis.

ARTICLE INFO. Received April 20, 2024; accepted August 26, 2024; available online August 31, 2024.

Введение

Важность определения психосемантического статуса «жизни» и «смерти» в сознании молодого поколения обусловлена их системообразующей ролью в организации, переживании и осмыслении человеком своего бытия. Жизнь и смерть всегда являлись предметом научной рефлексии, они рассматриваются как природный или — в гуманитарных науках — социальный и культурный феномен. Для психологического дискурса представляется адекватным ницшеанское понимание жизни как «первичной реальности, главной ценности, основания и предпосылки «духа» и познания» [1, с. 230]. На том, что познание человека возможно только посредством обращения к категории «жизнь», настаивал В. Дильтей; отмечая трудность исследования «жизни» традиционными для классической науки методами, он полагал, что познать жизнь как «взаимоотносительное отношение между «я» и предметным миром» [2, с. 101] — можно при помощи категории «значение». Несмотря на методологические ограничения понимающей психологии В. Дильтея, это положение является продуктивным как основание для исследования представлений о жизни посредством определения этого значения конструкта с помощью методов психосемантики.

Значение «жизни» в сознании человека неразрывно связано с концептом «смерти» как «единственной ситуацией человеческого существования, в которой человек оказывается один на один с собой» [3, с. 763] и в осмыслении которой актуализируется его предельная субъектность: «Смерть... по существу всегда моя», она «онтологически конструируется всегда-мне-принадлежностью и экзистенцией» [4, с. 240]. О сложности определения смысла смерти для человека говорит Ж. Деррида, предлагая для ее понимания особую процедуру письменности «*arche-écriture*» [5], которая, однако, не может быть операционализирована как метод психологической диагностики.

Экзистенциальному — «бытийному» дискурсу, являющемуся основной зоной научного осмысления категорий «жизни» и «смерти», сегодня активно противостоит прагматическая дискурсивная модель: средствами медиа конструируется, укрепляется и распространяется культ молодости и здоровья; знаки приближения к смерти: старость и болезнь — вытесняются из публичного пространства. «Смерть» теряет статус предельной ситуации бытия, становясь обыденным событием повседневности, с которым человек встречается ежедневно и многократно в новостных сообщениях, в телевизионных и кино-нарративах, в рекламных образах и даже в выступлениях стендап — комиков. Это не может не повлечь изменения в осмыслении бытия, отношении к нему и, как следствие, актуализации процессов глубинных личностных трансформаций.

Отношение к смерти поэтому становится предметом исследования психологов, которые подчеркивают, что образ смерти у каждого человека индивидуален и вы-

полняет регулятивную функцию в процессах жизнедеятельности. Определено, что на его формирование влияет множество объективных и субъективных факторов, важнейшим из которых являются представления о загробном мире, которые формируются в процессе интеграции индивида в культуру, принятия ее ценностей [6]. Образы жизни и смерти в сознании человека, таким образом, — продукт усвоения нарративов, являющихся базовыми для той культуры, в которой происходит его формирование.

Изучая представления человека о жизни и смерти, ученые подчеркивают, что они, являясь основанием человеческого бытия, участвуют в формировании его смысловых ориентиров, жизненных установок и моделей поведения [7–10]. Психологами описан феномен взаимосвязи неэффективных способов «трансценденции смерти» и дезадаптивного поведения, аргументировано суждение о том, что осознание и принятие факта собственной смертности может стать эффективным фундаментом адаптации для личности [11].

Согласно И. Ялому, понимание неизбежности конца своего существования и принятие ответственности за него выполняют психически продуктивную функцию: являются «пробуждающим переживанием» и способствуют максимальной самоактуализации человека [12, с. 50]. Учеными выявлено наличие положительной корреляции между страхом смерти и жизненной продуктивностью: чем менее эффективно человек прожил свою жизнь, тем болезненнее он воспринимает возможность собственной смерти [13].

Определение значения, которым современные молодые люди наделяют «жизнь» и «смерть», представляется важным как основание научного предсказания их отношения к бытию и организации своей жизнедеятельности. Понимание особенностей семантической категоризации «жизни» и «смерти» приобретает особое значение сегодня, в условиях медийно опосредствованной интенсификации процессов «опрощения» этих традиционно экзистенциальных концептов.

В процессе исследования мы проверяли гипотезы о том, что 1) образы жизни и смерти в сознании современной молодежи не наделены экзистенциальным, духовным статусом, а характеризуются как материальные, биологические феномены, 2) в сознании молодежи семантические оценки образа жизни и образа «я» близки, а образа «смерти» и образа «я» находятся на разных полюсах семантического пространства.

Методы исследования

Эмпирическая проверка гипотез проводилась с помощью специализированного варианта методики семантического дифференциала, для определения шкал которого был использован метод свободных ассоциаций к стимулам «жизнь» и «смерть». В исследовании приняли участие 76 студентов Байкальского государственного университета ($M = 21,9$ лет). Испытуемые последовательно оценивали понятия «жизнь», «смерть» и «я», наделяя их значением от (-3) до (3) по каждой из 39 биполярных шкал. Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью методов описательной статистики и процедуры факторного анализа, осуществлявшегося методом главных компонент с вращением varimax.

Результаты эмпирического исследования

На основе полученных значений была построена матрица $76 \times 39 \times 3$. Для оценки надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовался тест Кайзера — Мейера — Олкина и коэффициент сферичности Бартлетта. После проведения факторного анализа и выделения факторной структуры с использованием уравнений множественной регрессии вычислялись факторные оценки выявленных перемен-

ных. В результате статистических процедур было выделено 7 факторов, которые объясняют 66,875 % дисперсии переменных.

В первый фактор «эмоциональной оценки» с высокой факторной нагрузкой вошли шкалы: «темный — светлый» (-0,814), «любимый — ненавистный» (0,809), «радостный — печальный» (0,800), «прекрасный — ужасный» (0,795), «жизнерадостный — унылый» (0,792), «плохой — хороший» (-0,783), «свежий — гнилой» (0,765), «противный — приятный» (-0,755), «родной — чужой» (0,753), «злой — добрый» (-0,683), «активный — пассивный» (0,670), «далекий — близкий» (-0,637), «умный — глупый» (0,628), «мой — чужой» (0,626), «глупый — умный» (-0,602), «горячий — холодный» (0,590), «опасный — безопасный» (-0,577), «ответственный — безответственный» (0,566), «мягкий — твердый» (0,500), «чистый — грязный» (0,496), «дорогой — дешевый» (0,489), «справедливый — несправедливый» (0,486), «верхний — нижний» (0,482).

Второй фактор «простоты» составлен из шкал: «простой — сложный» (0,772), «расслабленный — напряженный» (0,745), «гладкий — шершавый» (0,730), «легкий — тяжелой» (0,686), «спокойный — беспокойный» (0,572). В третий фактор «осмысленности» вошли шкалы: «острый — тупой» (0,664), «осмысленный — бессмысленный» (0,487).

Четвертый фактор назван «фактором динамичности» — в него вошли шкалы «быстрый — медленный» (0,791) и «динамичный — статичный» (0,584). Пятый фактор «хаотичности» составила шкала «хаотичный — упорядоченный» (0,743). В шестой фактор «индивидуальности» вошли шкалы «индивидуальный — коллективный» (0,823) и «мой — твой» (0,640). В седьмой фактор «материальности» — шкалы «материальный — духовный» (0,721), «большой — маленький» (-0,489) и «слабый — сильный» (0,448).

Таким образом выявлено, что категоризация понятий «я», «жизнь» и «смерть» в сознании студентов основывается на содержательных критериях «эмоциональной оценки», «простоты», «осмысленности», «динамики», «хаотичности», «индивидуальности» и «материальности». Сравнение значений семантических оценок исследуемых стимулов с помощью статистического критерия Фридмана показало, что по пяти факторам: «эмоциональной оценки», «простоты», «осмысленности», «динамики» и «материальности» — различия достоверны ($p < 0,05$).

Определено, что самыми высокими значениями «эмоциональной оценки» наделяет стимул «жизнь» — ее воспринимают как более светлую, радостную, прекрасную и родную ($\Phi_1 = 0,672$), чем «я» ($\Phi_1 = 0,370$). Образ «смерти» ожидаемо получил отрицательную эмоциональную оценку ($\Phi_1 = -1,033$), при этом семантика «смерти» не характеризуется абсолютной «безрадостностью» (-3): ее значение ближе к нейтральной оценке.

Интересно, что по фактору «простоты» понятие «жизнь» оказалось наделяется самыми низкими значениями (-0,256), т.е. ее образ в сознании студентов сложен и напряжен. Значительно менее сложной студентам представляется «смерть» ($\Phi_2 = -0,001$). При этом в семантическом пространстве оцениваемых стимулов «образ я» дистанцирован от «жизни» больше, чем от «смерти»: он характеризуется «расслабленностью» и «простотой» ($\Phi_2 = 0,253$).

Анализ полученных данных показал, что наибольшей «осмысленностью» студенты наделяют образ «я» ($\Phi_3 = 0,427$), при этом «жизнь» и «смерть» в представлении студентов «бессмысленны» ($\Phi_3 = -0,231$ и $-0,199$). Такие данные маркируют трансформацию традиционных культурных представлений о жизни и смерти как бытийных ценностях и являются основанием для суждения об экзистенциальном кризисе в сознании студентов. Признаками такого кризиса являются утрата смысла жизни и, как ее следствие — смерти.

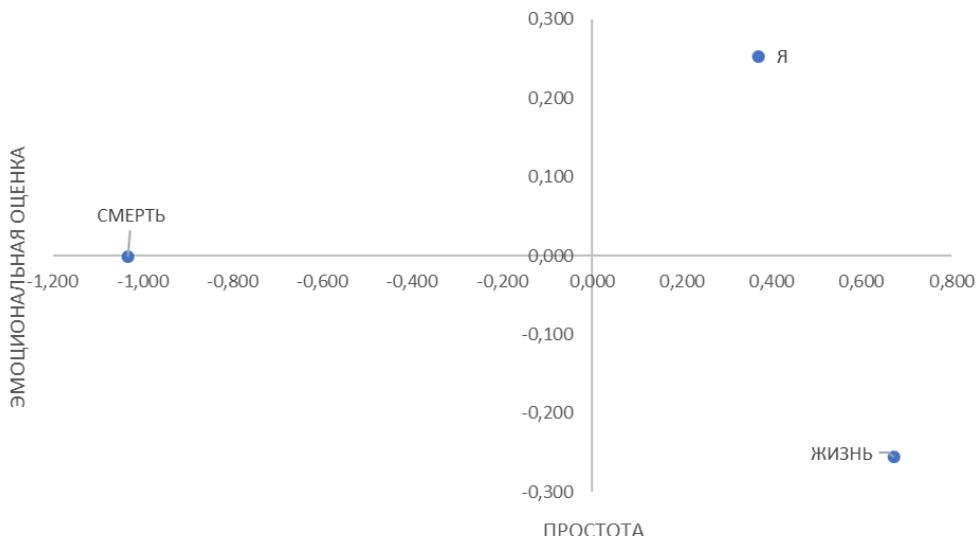

Рис. 1. Образы «жизнь», «смерть» и «я» в сознании студентов, размещенные в семантическом пространстве факторов «эмоциональной оценки» и «простоты»

Выявлено, что «жизнь» воспринимается испытуемыми как «быстрая» и «динамичная» ($\Phi_4 = 0,471$). Однако образы «я» и «смерти» оказались в зоне отрицательных значений, то есть оцениваются студентами как «статичные», при этом стимул «смерть» ($\Phi_4 = -0,059$) даже более динамичен, чем «я» ($\Phi_4 = -0,406$) (рис. 2). Такие данные являются еще одним основанием для суждения об экзистенциальном кризисе у молодежи — дистанции между активной, изменяющейся «жизнью» и «замершим» в неизменности образом «Я».

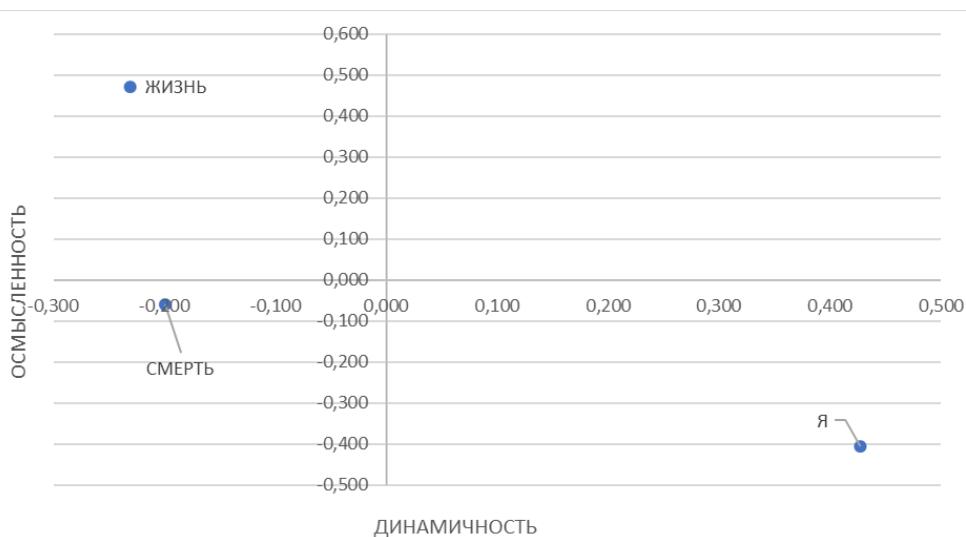

Рис. 2. Образы «жизни», «смерти» и «я» в сознании студентов, размещенные в семантическом пространстве факторов «осмысленности» и «динамичности»

Анализ значений семантических оценок исследуемых образов по фактору «материальности» показал, что «жизнь» и «смерть» наделены некоторой семантикой «духовности». Наименее материальна «смерть» ($\Phi_7 = -0,206$), что может свидетельствовать как о понимании молодежью ее экзистенциальной природы, имплицитном принятии трансцендентного статуса, так и о прагматической оценке «смерти» как маркера конца материального «я». «Жизнь» наделяется большими значениями «материальности» ($\Phi_7 = -0,017$), при этом только «образ я» помещен в семантическую зону положительных значений по этому фактору ($\Phi_7 = 0,22$) (рис. 3).

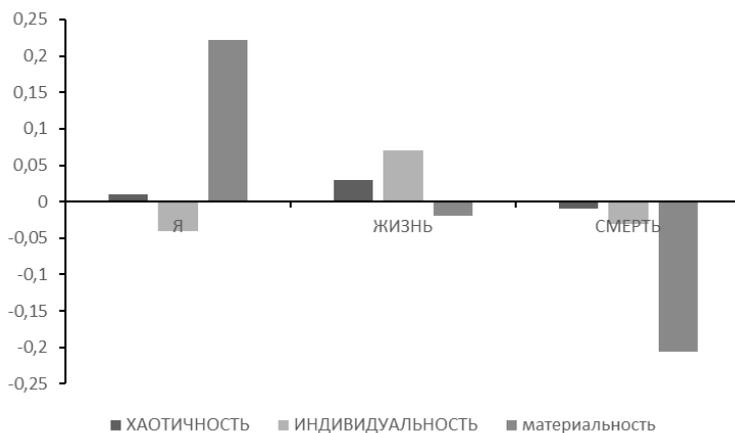

Рис. 3. Семантическая оценка «жизни», «смерти» и «я» студентами по факторам «хаотичности», «индивидуальности» и материальности

Определено, что семантические различия в студенческих оценках «жизни» и «смерти» и образа «я» по факторам «хаотичности» и «индивидуальности» статистически не значимы. При этом обнаружена тенденция к наделению «смерти» и образа «я» меньшими значениями «индивидуальности» ($\Phi_6 = -0,03$ и $-0,04$), чем «жизни» ($\Phi_6 = 0,1$); «смерть» воспринимается и как менее хаотичная ($\Phi_5 = -0,01$), чем «жизнь» ($\Phi_5 = 0,03$) (рис. 4).

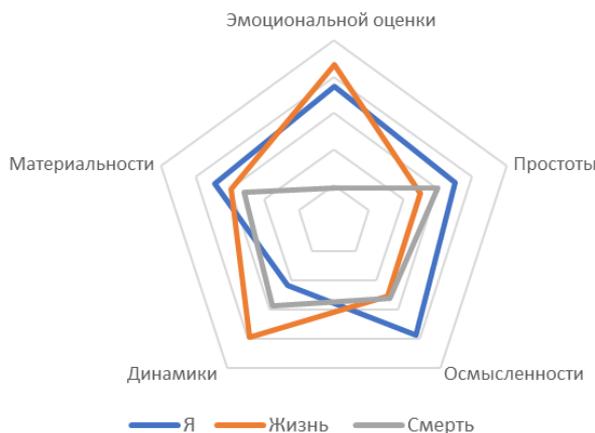

Рис. 4. Сравнение семантического статуса «жизни», «смерти» и «я» по факторам «эмоциональной оценки», «простоты», «осмысленности», «динамики» и «материальности»

Анализ результатов исследования показал, что семантическая категоризация студентами образов «жизни», «смерти» и «я» по факторам «эмоциональной оценки», «простоты», «осмысленности», «динамики» и «материальности» имеет достоверные различия, при этом их характер нелинеен (рис. 4). «Смерть» в сознании современной молодежи характеризуется наименьшим объемом семантического пространства, которое при этом более гомогенно, чем семантическое пространство образов «жизнь» и «я».

Заключение

Исходное гипотетическое предположение о том, что экзистенциальный статус образов жизни и смерти в сознании современной молодежи редуцирован, эмпирически верифицировано: выявлено, что они наделены семантикой «бессмысленности» и дистанцированы от семантики образа «я».

Предположение о близости семантик «жизни» и «я», как и о семантическом дистанцировании «я» от «смерти», не получило однозначного подтверждения в процессе эмпирического исследования. Выявлена близость оценок образов «жизни», и «я» по критериям позитивных эмоций и материальности, однако их семантическое расстояние по факторам «динамики», «осмысленности» и «простоты» оказалось значительно: «жизнь» бессмысленна, динамична, сложна и напряжена. Вопреки предположению о значительном семантическом дистанцировании «я» от «смерти», выявлено, что оно характерно только для оценки этих стимулов по критериям эмоциональной оценки, осмысленности и материальности.

Психосемантический анализ особенностей представлений студентов о «жизни» и «смерти», а также сопоставление семантики этих образов с семантикой образа «я» позволяет обозначить проблему экзистенциального кризиса в сознании современной молодежи.

Список использованной литературы

1. Микешина Л.А. Жизнь / Л.А. Микешина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — Москва : Канон, 2009. — С. 230–232.
2. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. — 160 с.
3. Гурко Е.Н. Смерть в деконструкции / Е. Н. Гурко // Постмодернизм. — Минск, 2001. — С. 806–815.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 451 с.
5. Деррида Ж. Дар смерти / Ж. Деррида. — URL: // <https://predanie.ru/book/219146-dar-smerti/>.
6. Желателев Д.В. Образы представления о жизни и смерти в сознании студентов разных национальностей / Д.В. Желателев. — DOI 10.25807/22224378_2022_3_27. — EDN EJDKD // Научное мнение. — 2022. — № 3. — С. 26–37.
7. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес — Санкт-Петербург : Прогресс, 1992. — 526 с.
8. Гуревич П.С. Размышления о жизни и смерти / П.С. Гуревич // Психология смерти и умирания : хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. — Минск : Харвест, 1998. — С. 608–625.
9. Лаврин А.П. Что такое смерть / А.П. Лаврин // Психология смерти и умирания: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. — Минск : Харвест, 1998. — С. 35–181.
10. Кюлбер-Росс Э. О смерти и умирании / Э. Кюлбер-Росс. — Москва : АСТ, 2023. — 480 с.
11. Желателев Д.В. Представления о жизни и смерти и социально-психологическая адаптация личности / Д.В. Желателев // Царскосельские чтения. — 2016. — № 1. — С. 214–220.
12. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / И. Ялом. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

13. Юревич А.В. Психологические аспекты отношения к смерти / А.В. Юревич. — EDN YQRMMY // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 1. — С. 123–132.

References

1. Mikeshina L.A. Life. In *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow, Kanon Publ., 2009, pp. 230–232. (In Russian).
2. Dilthey W. *Descriptive Psychology and Historical Understanding*. The Hague, M. Nijhoff Publ., 1977. 147 p. (Russ. ed.: Dilthey W. *Descriptive Psychology*. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1996. 160 p.).
3. Gurko E.N. Death in Deconstruction. In *Postmodernism*. Minsk, 2001, pp. 806–815. (In Russian).
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen 1967. 449 p. (Russ. ed.: Heidegger M. *Being and Time*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 451 p.).
5. Derrida J. *Donner la mort*. Paris, Galilée, 1999. 208 p. (Russ. ed.: Derrida J. *The Gift of Death*. Available at: <https://predanie.ru/book/219146-dar-smerti>).
6. Zhelatelev D.V. Images-Representations of Life and Death in the Minds of Students of Different Nationalities. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, 2022, no. 3, pp. 26–37. (In Russian). EDN: EJDKD. DOI: 10.25807/22224378_2022_3_27.
7. Aries Ph. *L'homme devant la mort*. Paris, Éditions du Seuil, 1977. 324 p. (Russ. ed.: Aries Ph. *A Man Facing Death*. Saint Petersburg, Progress Publ., 1992. 526 p.).
8. Gurevich P.S. Contemplations about Life and Death. In Selchenok K.V. (ed.). *Psychology of Death and Dying*. Minsk, Kharvest Publ., 1998, pp. 608–625. (In Russian).
9. Lavrin A.P. What is Death. In Selchenok K.V. (ed.). *Psychology of Death and Dying*. Minsk, Kharvest Publ., 1998, pp. 608–625. (In Russian).
10. Kübler-Ross E. *On Death and Dying*. New York, Scribner Classics, 1997. 294 p. (Russ. ed.: Күблер-Росс Е. *On Death and Dying*. Moscow, AST Publ., 2023. 480 p.).
11. Zhelatelev D.V. Ideas about Life and Death and Socio-Psychological Adaptation of the Individual. *Tsarskosel'skie chteniya = Tsarskoye Selo Readings*, 2016, no. 1, pp. 214–220. (In Russian).
12. Yalom I. *Staring at the Sun. Overcoming the Terror of Death*. London, Piatkus, 2011. 324 p. (Russ. ed.: Yalom I. *Staring at the Sun. Overcoming the Terror of Death*. Moscow, Ehksmo Publ., 2023. 384 p.).
13. Yurevich A.V. Psychological Aspects of the Attitude to Death. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2018, no. 1, pp. 123–132. (In Russian). EDN: YQRMMY.

Авторы

Кыштымова Ирина Михайловна — доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии образования и развития личности, Иркутский государственный университет; кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, info@creativity.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4669-6886>, SPIN-код: 3172-8860, AuthorID РИНЦ: 25929267800.

Зубарева Юлиана Павловна — магистрант, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, zubarevailiana@yandex.ru.

Authors

Irina M. Kyshtymova — D.Sc. in Psychology, Professor, Department of Psychology of Education and Personal Development, Irkutsk State University; Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, info@creativity.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4669-6886>, SPIN-Code: 3172-8860, AuthorID RSCI: 25929267800.

Yuliana P. Zubareva — Master's Degree Student, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, zubarevailiana@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Кыштымова И.М. Образы жизни и смерти в сознании молодежи: психосемантический анализ / И.М. Кыштымова, Ю.П. Зубарева. — DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1372-1380. — EDN WTEQES // *Baikal Research Journal*. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 1372–1380.

For Citation

Kyshtymova I.M., Zubareva Yu.P. Images of Life and Death in the Consciousness of Young People: Psychosemantic Analysis. *Baikal Research Journal*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 1372–1380. (In Russian). EDN: WTEQES. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1372-1380.